

ZOTOB[®]

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература» представляет

книги Зотова

цикл **КАЛАШНИКОВ & МАЛИНИН**

Элемент крови

Минус ангел

Демон плюс

Ад и Рай

цикл **АГАРЕС & АВАДДОН**

Апокалипсис Welcome

Апокалипсис Welcome. Страшный Суд 3D

Апокалипсис Welcome. Армагеддон Лайт

цикл **ТАКОГО ВЫ НЕ ЧИТАЛИ!**

Москвау

Сказочник

цикл **КИРИЛЛ & МИЛЕНА**

Республика Ночь

цикл **АЛИСА & КАЛЕДИН**

Печать Луны

Череп Субботы

Скелет бога

Айфонгелие

Тиргартен

ZOTOB®

АПОКАЛИПСИС WELCOME
АРМАГЕДДОН
ЛАЙТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Оформление — *Оксана Ветловская*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Зотов, Г.А.

3-88 Апокалипсис Welcome: Армагеддон Лайт : [роман] / Зотов. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Невероятный Зотов).

ISBN 978-5-17-113010-7

Москва в 1812 году — оккупирована французами. Но вдруг... реальность меняется. В кафе — вай-фай, в метро — реклама менеджеров Наполеона. Кутузов берет кредит на войну в бизнес-центре «Фили». И это — только начало.

Некто переключает реальности словно пультом. Кто он такой? Ответ на этот вопрос ищут демон и ангел.

Черный юмор. Триллер. Фантасмагория. От автора «Элемента Крови» и «Апокалипсис Welcome».

Почему о его книгах спорят в Интернете? Найди ответ внутри!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113010-7

© Зотов Г.А., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧАСТЬ I

КНИГА САМАЭЛЯ

*«Чем безупречнее с виду человек —
Тем больше у него внутри демонов».*

Зигмунд Фрейд, психиатр

ПРОЛОГ

— ... Пардон, дорогой месье, — у вас к киверу прилипла сажа. Да-да, вот здесь.

— Гран мерси. — Пьер снял головной убор и ожесточённо затряс им, избавляясь от чёрной грязи у козырька. — Погода здесь попросту ужасная. Простите, я никоим образом не хочу обидеть вас, но всю неделю этот город горит. Выйдешь вечером на променад и сразу начинаешь кашлять от дыма... там пожары, тут пожары... Прибавьте ко всему слякоть и страшный ветер. О мон дье, вам и не представить, как я скучаю по родному Провансу. У нас чудесно осенью, всюду витают запахи цветов и свежего, только что отжатого из

оливок масла. Искренне надеюсь, наш император... то есть, я хотел сказать, ВЕЛИКИЙ император, договорится с вашим царём о мире, и мы поскачем домой...

Француз вдруг резко оборвал речь — сообразив, что чересчур разболтался с незнакомцем. Проклятая общительность. Следует помнить: он не в гостях, местные жители опасны.

Старик ласково кивнул ему. Сморщенный, как смоква, сухонький, седые волосы до плеч, мутные водянистые глаза — лет под девяносто, не меньше. Кажется, выжил из ума. Но такое часто случается: кто слишком долго ухаживает за помешанными, сам в итоге теряет разум. Не дожидаясь приглашения, Пьер прошёл вглубь по отсыревшему коридору, прямо по обрывкам бумаги — печку в особняке, вероятно, топят книжными страницами.

Дикий народ. Знакомо ли этим варварам слово «культура»?

Дойдя до гостиной, Пьер огляделся. Да... ну что сказать... похоже на тюрьму. Дедушка семенил рядом — эдакий божий одуванчик, ногу чуть приволакивает, серый сюртук протёрся в локтях и на спине. Видимо, сюда и раньше заходили французские офицеры, — старичок ничуть не удивился его появлению. В сумраке что-то прошуршало: ладонь Пьера инстинктивно легла на рукоять пистолета. Хозяин шамкающе рассмеялся.

— Мышки-с. Не бойтесь, ваше благородие, — всем малюсенькие.

Армагеддон Лайт

Пьер усмехнулся, искоса бросив взгляд в зеркало на стене.

Отражение (щедро припудренное слоем пыли) явило ему подтянутого офицера в синей форме с эпюлетами лейтенанта. Из-под кивера выбивались чёрные кудри, шею обвили с десятков золотых цепочек — стесняться нечего, лишь дурак удержится от соблазна, когда в городе столько брошенных второпях домов. Старик вполне сносно болтал по-французски, но Пьера это уже не удивляло: языком империи тут владел каждый второй — если, конечно, не брать в расчёт дремучих крестьян. Особняк изрядно отдавал затхлостью — из стен сочилась влага, воздух пропах мышинным помётом и плавящимся воском свечей. Русская усадьба. Здесь раньше жил богатый боярин (Пьер не очень разбирался в местных титулах), который, как ему рассказали, завещал здание под скорбный дом. Нет чтобы устроить культурное публичное заведение — ведь приличных девушек (из тех, что по цене двадцать франков за ночь) в *Моску* и с охотничьими собаками не найдёшь. О, кстати... Почему совсем не видно душевнобольных?

— А, пардон... Месье, меня крайне интересует — куда делись ваши подопечные?

Старик грустно пожевал бесцветными губами.

— Их вывезли, сударь. У каждого нашлись родственники, они и озаботились, да-с. Осталась лишь девица, одна-одинёшенька... сиротинка. Когда забирали остальных, она спряталась... Обнаружив бедняжку, я не смог её бросить. Настоящий ангел, поверьте мне.

Сидит целыми днями у себя в келье, никого не трогает. Вы ведь не причините ей зла? Девочке восемнадцать лет — она дитя с чистейшей душой и кристальными помыслами.

Пьер скрипнул зубами. Он был без женщины пятый месяц и с редким удовольствием причинил бы кому-нибудь зло. Возможно, даже пару раз подряд. Но сумасшедшая... Опасно. Этот город и так сущий ад — на губах вкус пепла, что сыплется со свинцовых туч. Кто знает, какими бесами одержима мадемуазель? Ему нет до неё дела. Полковник приказал отыскать дом для постоя драгун — и, кажется, он его нашёл. Особняк напоминает тюрьму — мрачно, темно, сыро, но ничего... В комнатах разожгут костры, бумаги предостаточно. Большинство подходящих для жилья зданий в *Моску* выгорело дотла, эскадронам вместе с лошадьми приходится квартировать в церквях — маршал Даву и тот ютится в келье варварского монастыря. Скоро наверняка грянут заморозки, люди уже вовсю простужаются. Девушка... ну какая разница. Не ему пригодится, так солдатам.

— Могу я взглянуть на неё, месье? Тысяча извинений за беспокойство.

— О, конечно, сударь. Следуйте за мной, сильвупле.

Они прошли шесть комнатушек подряд — таких же тёмных, узких и холодных. По углам были свалены наспех старые книги для растопки, полусгнившие меховые шубы и даже охапки сена. Пьер не делал выво-

Армагеддон Лайт

дов — русские вообще странные, их сложно понять умом.

На входе в келью девушки отсутствовала дверь. Старик приложил палец к губам.

Пьер так и открыл рот: убогая действительно была ангельской красоты. Просто фарфоровая куколка — если рассматривать её в профиль. Бледное лицо с нездоровым румянцем освещали огоньки свечей. Склонившись над грудой бумажных листов, она, стиснув в пальцах гусиное перо, лихорадочно покрывала страницу крупными буквами. И столь увлеклась своим занятием, что даже не заметила посетителей.

— Что именно она пишет, месье? — шепнул француз.

— Книгу, — коснулся губами его уха старик. — Она спешит написать роман, сударь.

— О чём? — с удивлением воззрился на него офицер.

— Я не интересовался, месье, — развёл руками старый смотритель. — Мы лишь удовлетворяем их чаяния. Уж лучше гусиное перо, чем нож в её руке. Поверьте, случалось и такое.

Девушка вдруг подалась назад, и Пьер невольно попятился. Она смотрела сквозь него, обуянная вдохновением, — но взгляд был безумен, а глаза светились волчьими огоньками. По подбородку побежала тоненькая струйка крови: прикусив нижнюю губу, блаженная вернулась к своему занятию. На бумаге расплылись алые капли. По спине француза побежали мурашки.

— Девицу нельзя забрать, — горестно пожаловался дед. — Пытался уже вывести наружу — начинает кричать, расцарапывает себе лицо и не может остановиться. Страх какой, ваше благородие. Видать, это и есть болесть, — бедняжка должна написать книгу. В ней вся её жизнь. Гляньте, тут в углу топчанчик... Приляжет на три часа и снова строчит. Хлеба ест крошки, как птичка, в воду еле носик окунёт... Меня, похоже-с, и не замечает.

Не прощаясь, Пьер повернулся и зашагал к выходу. Он недолго петлял по коридору, сзади торопливо семенил старик. У двери Пьер одёрнул мундир и надел кивер.

— Месье, мы забираем этот особняк для нужд армии императора французов, — сказал он как можно высокопарнее. — Сегодня вечером здесь разместится отряд его величества. У вас есть время, чтобы забрать подопечную и уехать. Поверьте, я поступаю добрее других. Вы предупреждены. Если же девица останется здесь, я не поручусь за галантность солдат.

Отступив, дед в старческом гневе затряс головой.

— Сударь! Я же вам только что объяснил: её нельзя забирать! Она не уедет!

— Сожалею, — ухмыльнулся Пьер. — Но идёт война. Значит, мадемуазель вытащат отсюда силой, смею вас заверить, это не составит труда. Всего хорошего, и будьте добры...

Из его рта вдруг выплеснулось *красное*.

Пьер в изумлении опустил взгляд — из живота торчала рукоять кинжала. Старинная, с крупными готиче-

Армагеддон Лайт

скими буквами и жёлтым оскаленным черепом. Ноги разом ослабли, — француз привалился к стене и медленно сполз на пол. Воздух перед глазами затянулся бледным туманом.

Что... что такое здесь происходит... этот старик... Мон дье, да он и не старик вовсе... Как Пьер мог принять его за деда? Ему не дашь и сорока — молодое лицо, крепкие скулы, небритый подбородок, жёлтые, как у волка, глаза... Вот только волосы остались прежними — длинные и белые, разбросанные по плечам.

Убийца присел рядом, достал из кармана фляжку.

— Хочешь? — Агарес протянул умирающему ёмкость. — Нет? Ну, дело твоё.

Запрокинув голову, он сделал солидный глоток.

— Вот, конечно, сейчас все меня осудят, — заявил демон, обращаясь в пространство. — Ужаснутся: какая же ты сволочь. Убил человека. Можно сказать, ни за что. А у него ведь семья, дети... Совесть тебя, скотину, обязательно замучает. Парень, ты детей не завёл ещё?

Теряющий сознание от боли и ужаса Пьер замотал головой.

— А, ну и славно! — обрадовался Агарес. — Знаешь, я честно пытаюсь быть добрым. Мне хоть и изредка, но иногда этого хочется, ввиду своего прошлого. Остатки крыльев чешутся, что ли. Вот давай рассудим трезво. Я мог без разговоров прирезать тебя на пороге, правда? Уже через секунду, как ты вошёл. Но нет — я пытался воззвать к твоей совести, объяснил бед-

ственное положение девицы. Ты её пожалел, сука французская? Нет. Ну и какой мне выбор остался? Сам понимаешь. Обидно, что в Раю ангелы опять спесиво сплюнут через крыло: ах, он не все методы задеиствовал. Надо было запугать карой Небесной, предложить помолиться, воззвать к любви.

Демон рассмеялся и дружески хлопнул француза по плечу. Тот поперхнулся кровью.

— Представляешь — ты и любовь, а? Да тут бы вечером рота драгун портянки сушила. Но Аду, мон шер, позарез надо, чтобы девчонка дописала книгу. Поэтому трогать её, — *Агарес с фальшивым сожалением цокнул языком*, — нельзя. Слушай, ты чего не умираешь-то? Извини, у меня куча дел, а я с тобой заболтался совсем. Будешь в Аду, заходи непременно, — я герцог Восточного сектора: там любого спросишь, все меня знают.

Агарес вытащил кинжал и ударил Пьера лезвием в глаз.

Взяв труп за ногу, он потащил тело офицера в дальний чулан с земляным полом. Здесь, на изрядной глубине, уже покоились останки трёх французов: тех, кто по разным причинам имел несчастье заглянуть в особняк на Мясницкой улице. Пусть полежит, пока свеженький, — он закопает мертвеца позже, сначала надо съездить на Арбат, повидаться со связным. А это нелегко — одинокий путник в почти пустом, сгоревшем городе однозначно привлекает к себе внимание: даже безобидному старичку проходу не дают. Волоча труп мимо кельи Настасьи, демон не заглянул внутрь. Во-

Армагеддон Лайт

первых, сейчас Настя всё равно его бы не увидела. Во-вторых, ему строго запрещалось смотреть в книгу. Этот приказ Дьявол отдал лично, а он не отличается любовью к шуткам.

Нет, юмор-то у него смешной, но слегка специфический.

Выйдя на улицу, он минут пять провозился с амбарным замком на двери: ключ никак не хотел поворачиваться. Для верности демон скрепил вход парой сатанинских заклинаний шестнадцатого века, взглянул на небо и на секунду прикрыл глаза. Сверху хлопьями сыпался жирный пепел. Правда, чудесная погода в этом городе? Как в Аду, если не хуже. Впрочем, ему всё нравится. Любому приятно очутиться в милой домашней обстановке.

Агарес не знал, что в этот момент между строк рукописи, прямо на листе бумаги вдруг проявилось страшное лицо — синее, полупрозрачное, с круглыми, как у огромной мухи, глазами. Пасть чудовища открылась, и из её недр на Настю дохнуло огнём. Завизжав, девушка бросилась вон из кельи. Пламя, не мешкая, охватило стопку страниц, топчан для сна и бумаги на полу. Настасья, слыша позади треск огня, быстро оказалась у выхода. Она стучала, рвалась наружу и плакала, надрывно кашляя от удушающего смрада.

Входная дверь вдруг рассыпалась в мельчайшую пыль.

На пороге в клубах дыма стояло нечто загадочное. Огромное, закрывшее собой солнце. Удивительно —

ЗОТОВ®

от него пахло чем-то сладким. Свежим. Просто невыносимо вкусным.

Насте ужасно захотелось спросить загадочного гостя: кто же он такой?

Но она так и не успела.

Глава 1

Спаситель

(Москва, 6 сентября 1812 года)

...Агарес не превращался в старичка без особой нужды. Безусловно, древнейшие демоны Ада владели искусством трансформации лицевых мышц, вот только боль от такого действия была сродни страданиям после пластической операции. Куда проще применить «зачарование» — да, действует всего пятнадцать минут, но зато внешность можно выбрать любую, хоть благообразного профессора, а хоть и пьяной торговки пирогами. С французскими патрулями Агарес сталкивался часто, особенно в центре города — они рыскали в поисках «поджигателей». Иногда помогали чары, иногда — нож с черепом на рукояти. Практичная вещь, думал демон, пробираясь между тлеющими кучами

Армагеддон Лайт

мусора на Мясницкой улице. И совершенно незаменимая в культурном общении. Если ведёшь спор, отточённое лезвие у горла заменит полсотни самых логичных аргументов. За годы работы в должности посланника Сатаны по особым поручениям он убил тысячи людей самых различных возрастов и профессий и не испытывал по этому поводу даже тени сожаления. «Кто из человекоподобных созданий ведёт подсчёт убитых им комаров и тем паче сожалеет об ушедших из жизни бедных маленьких кровососах? — спросил как-то Агарес одну миловидную маркитантку, с которой пил вино в таверне Амстердама во время Тридцатилетней войны. — Уж конечно, вам не снятся тельца убиенных с крылышками, трепещущими в агонии, и вы не ставите в церкви свечи за упокой их безвинных душ». Маркитантку, кажется, впоследствии сожгли на костре. На допросе в инквизиции она даже не отрицала, что провела ночь за разговором со слугой Дьявола.

Хотя там ведь был не только разговор...

Он чувствовал себя в Москве как рыба в воде. Особенно сейчас. Настоящие декорации Ада — пепел, жар от горящих зданий, огонь и тьма. Исключительную радость доставляли обугленные церкви: тут демон не отказывался от удовольствия остановиться на безопасном расстоянии и минутку-другую подышать сладчайшим дымом пожарищ.

«Рога дьявольские, какая ж красота, — философствовал Агарес, упиваясь видом почерневших куполов церкви Успения. — Вот всё спешишь, бежишь куда-то, отказываешь себе в эстетическом наслаждении.